

140 самых разнообразных образов создал на сцене Вахтанговского театра за тридцать лет творческой деятельности Александр Константинович Граве. Среди них более восьмидесяти — вводные роли... Особенностью Граве-актера является дар импровизации, который помогает ему легко и свободно войти в каждую роль.

...Однажды в театре произошло ЧП. Перед самой премьерой спектакля «Человек с ружьем» заболел единственный исполнитель роли Ивана Шадрина. Обычно в таких случаях спектакль отменяется. На этот раз он состоялся. На роль Шадрина срочно ввели А. Граве. Всего несколько дней было у актера на подготовку ведущей роли. Кажется, уж тут не до открытия характера, дай бог, текст выучить. А образ, созданный Граве, оказался интересным и неожиданным. Вначале Шадрин весь какой-то накаленный, злой, «взрывчатый». Но вот под влиянием великих перемен, — а он их свидетель и участник — Шадрин становится другим.

Как же артист в такой короткий срок нашел путь к созданию СВОЕГО образа? А. Граве рассказал:

— Над характером Шадрина я думал, конечно, задолго до спектакля. Есть роли, которые мечтаешь сыграть, — «твои» роли. Бывает и так, что смотришь на игру другого актера и думаешь, что эту роль сыграл бы по-иному. То есть мое видение образа и трактовка роли ее исполнителем не совпадают. Так было в спектаклях «Перед заходом солнца», «Золушка». Так получилось, когда я срочно вводился на роль Шадрина. Мне хотелось показать, как из озлобленного, замкнутого мужика, который не верит людям, видит во всех врагов, он превращается в человека, идущего людям навстречу, как он раскрывается, поворачивается к миру.

— Александр Константинович, вы сыграли более восьмидесяти вводных ролей. Расскажите, пожалуйста, с чем сопряжена такая работа для актера?

— Вводы, как «скорая помощь», — необходимая, хотя, может быть, и не всегда желательная для актера. Они приучают быстро ориентироваться на сцене. Но играть во вводах необычайно тяжело. Напряжение огромное, нервы натянуты — особенно в начале спектакля. Испытываешь какое-то чувство нереального — как во время полета

ЧЕЛОВЕК
И ЕГО ДЕЛО

И ГЛАВНЫЕ, И ЭПИЗОДИЧЕСКИЕ...

во сне. И все-таки на первом спектакле невозможно создать законченный образ, в лучшем случае получится хороший эскиз... А как трудно товарищам, с которыми надо играть! Ведь они привыкли к другому актеру, к его игре. Иногда приходится вести роль, как твой предшественник, для того чтобы не разрушить рисунок спектакля, хотя собственное представление об образе совсем другое. Такие вводы я не люблю, хотя и не отказываюсь от них — работа есть работа... Вообще вводы — хороший тренаж. И, пожалуй, каждый актер должен хоть раз сыграть вводную роль. Но лучше вводами не злоупотреблять, а работать в нормальной обстановке...

— А что вас наиболее привлекает «внутри» ролей?

— Если роль поднимает большие вопросы — нравственные или философские, заставляет думать, — такая роль интересна, независимо от того, какого она размера. Чем глубже произведение, чем больше прочтений оно дает, тем увлекательнее работа над ролью, тем она дороже. Такими для меня стали и Иван Шадрин, и Король из «Золушки», и Тарталья, и Макушкин...

Я вспоминаю Граве в роли пленного солдата Макушкина в спектакле «Человек с ружьем». Испуганное, растерянное лицо человека, которого запутали, и он никак не поймет, что же происходит, и только повторяет: «Братцы, пощадите! Братцы!».

— Этих слов в погодинской пьесе не было. Не было их и в первой редакции постановки. Я предложил их Рубену Николаевичу Симонову, и они вошли в спектакль, возобновленный в 1954 году. Во время войны на какой-то станции я увидел солдата, которого конвоировал патруль. Не знаю, что там с ним стряслось; помню только его крик, почти визг: «Братцы, пощадите!».

— Это тот случай, когда вы шли, так сказать, от жизненных наблюдений. А что еще помогает вам в создании образа?

— Каждый актер ищет образ по-своему. Щукин, например, говорил, что для него главное —

найти руки своего героя. Если он их не просто видит, а ощущает, чувствует, то образ можно считать почти готовым. У меня работа каждый раз начинается с мысли: ради чего я буду играть? Например, Учителя философии в «Мещанине» можно было бы сыграть и проходимцем, но мне показалось неинтересным сделать из него жулика, я представлял его увлекающимся, он и сам верит в то, о чем рассказывает Журдену... Иногда как-нибудь внешняя деталь помогает увидеть сущность человека. Ведь для того чтобы найти образ, не обязательно знать родословную или хотя бы биографию героя. Если мне известно, например, что у него грязные ногти, мне все равно, кто его родители... Я увлекаюсь живописью, сам рисую. Это помогает мне в актерской работе. Образ Тоцкого, например, во многом сложился под впечатлением от картины Пукирева «Неравный брак». Помните этого сановника, пергаментного человечка, кузнечика на булавке...

— Это эпизод. И через эпизодические роли проходят все актеры. Что для актера тут должно быть главным?

— Еще в училище нас воспитывали так, что мы радовались каждой полученной роли. Играли все, и с удовольствием. Ведь есть закон театра: если ждешь, не играешь — значит, стоишь. А это тоже движение, вспять: время идет вперед... Каждая роль — и главная, и эпизодическая — интересна по-своему. Вторая трудна тем, что здесь надо выложиться сразу, в отведенные десять минут. Поэтому в эпизоде невозможно пользоваться несколькими красками — заперит, цельность образа не получится, он расплывется. Из-за этого приходится иногда поступаться картиной, портретом, нарисованным автором. Так было в «Идиоте», где я играю Тоцкого. В романе он моложе и не такой непривлекательный внешне. Но в инсценировке Тоцкий появляется только один раз, и по этой сцене должно быть понятно, через что прошла Настасья Филипповна...

— Александр Константинович, вы активно заняты в репертуаре. Вы секретарь партийной организации театра. Расскажите, пожа-

луйста, как влияет общественная работа на творчество?

— Есть разная общественная работа. Если это исполнение формальных обязанностей, например сидение на разнообразных и многочисленных заседаниях, то такого рода «деятельность» только отнимает время от творчества. Или есть дела, которые несоответствуют специфике театра. Так, — правда, давно уже! — пришел однажды запрос из вышестоящей организации: почему у нас, у единственной организации в районе, нет драмкружка?..

Но есть работа, в результате которой чувствуешь удовлетворение, потому что она приносит видимые результаты. Партийная организация, например, имеет много прав в утверждении репертуара. А репертуар в театре — все равно что план на производстве, который должен быть выполнен — и по количеству, и по качеству.

Вот уже десять лет мы шефствуем над заводом «Динамо», устраиваем спектакли для рабочих, творческие вечера актеров, конференции и диспуты; в художественном совете есть постоянный представитель от завода — Галина Дружкова, которая наравне со всеми обсуждает репертуар. Недавно парторганизация театра принимала участие в составлении плана шефской работы. В общем дел по горло, и парторг должен вникать во все... И все же считаю, что основное дело актера — играть. Ведь каждый интересуется тем, что он есть на самом деле. Как у Маяковского: «Я поэт, этим и интересен».

— Над чем вы работаете сейчас?

— В одной из новых постановок — сказке для детей «Кот в сапогах» — роль злого волшебника. Не буду говорить заранее обо всем, выскажу только основную мысль, которую хотел бы выразить в этой роли: не все страшно страшно. Репетирую в водевиле Л. Зорина «Театральная фантазия». И, конечно, вводы, хотя с годами играть так, с налету, становится все тяжелее — возраст дает себя знать... Ну что ж, в театре много молодежи — есть кому передать эстафету.

Беседу вела
Марина АКСЕНОВА.